

АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН (МИЛОВ)¹

ИДЕЯ ЛЮБВИ В ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОМ БОГОСЛОВИИ²

Христианская любовь составляет высшее содержание внутренней жизни членов Святой Церкви. Она — источник предельного человеческого счастья и удовлетворения на земле.

На вопрос о существовании любви в литературе и науке даются самые разнообразные ответы. Как различны идеологии людей и сердечные вкусы и интересы, так и неодинаковы и определения любви. Романисты на бесчисленные лады варьируют описания состояний любви в смысле половой влюбленности и полового оргазма. Платонически настроенные философы называют любовью идеальное взаимное влечение юноши и девушки и общение их на почве созвучных исканий религиозного и научного порядка. Психологи, как Бэн, основной признак любви видят в нежности сердца. Христианские моралисты настроение любви считают высшим напряжением всех человеческих сил к осуществлению нравственного единства любящего и любимого с передачей ими одного другому имеющихся у них духовных и материальных ценностей (проф. В. Мышцын).

Среди отмеченных светских представлений любви литераторами и учеными разных направлений одиноко стоит особый, оригинальнейший взгляд на любовь православно-христианского богословия. Он опирается на данные Библии, святоотеческой письменности, церковно-пастырских трудов и церковно-богослужебного творчества.

¹ В машинописи имя автора не указано. — *Примеч. ред.*

² Публикация перед защитой магистерской диссертации: *Вениамин (Милов), архим. 1948.* — *Примеч. ред.*

Анализ природы любви под углом зрения богословия произведем по такому методу:

1. Выясним богословское понятие «любовь»;
2. Проследим содержание настроения любящих с точки зрения нравственно-психологической и аскетической;
3. Наконец, укажем значение идеи любви 4) в отдельных аскетических подвигах и 5) в системе христианской догматики.

1. БОГОСЛОВСКОЕ ПОНЯТИЕ «ЛЮБОВЬ»

Итак, что же такое христианская любовь по мысли православных богословов? Она прежде всего есть самоотверженное настроение человека, противоположное самолюбию. Черты ее: безграничное послушание Богу и всецелое тяготение к молитвенному единению с Ним и единению с людьми на почве служения их спасению и счастью, отказ от своих выгод ради пользы любимых и труд борьбы со страстями как препятствиями любить полно и безгранично. Христианская любовь складывается не из пульсирований только человеческой естественной силы любить. В нее приходит высшее созидающее и вдохновляющее начало — сила Божия Сущности, нисходящая на достойных в Духе Святом. *Плод же духа есть любовь*³, замечает апостол Павел. Когда угодно Богу, в некоторых случаях христиане воспринимают благодатную силу ощутительно, в форме сверхматериального света, не похожего ни на какой чувственный свет. «Любящий брата своего, — говорит апостол Иоанн Богослов, — пребывает во свете»⁴. Сам по себе благодатный свет Божества есть сверхъестественное «пламя любви», которое до разожженного состояния возвышает и нашу природную способность любить. Когда это пламя соединяется с естественной человеческой силой любви, тогда придает ей чистоту, святость, необъятность, неустойчивость, всеобъемлемость, невыразимую горячность и жажду самоотвержения до забвения себя, своих интересов и до готовности *душу свою полагать*⁵ за ближних.

³ Гал. 5, 22.

⁴ 1 Ин. 2, 10.

⁵ Ин. 15, 13.

Живущий исключительно природной жизнью обычно находит описанные проявления любви по меньшей мере странными, необъяснимыми и даже ненормальными. Так как они составляют общеизвестный факт духовного опыта в Церкви, то рассмотрим их ближайшим образом.

2. СОДЕРЖАНИЕ НАСТРОЕНИЯ ЛЮБЯЩИХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАВРСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И АСКЕТИЧЕСКОЙ

При анализе христианского настроения любви мы не можем не считаться с тремя природными силами человеческой души — умом, чувством и волею. Спрашивается, какой из них принадлежит определяющее влияние на развертывание настроенности, интересующей нас? Не ошибемся, если скажем, что в начальных стадиях развития любви первое место занимает элемент воли, а не сердца. Никто из нас не рождается с явно выраженной самоотверженной любовью сердца. На первых порах духовной жизни *любить делом и истиною*⁶ приходится без чувства, подневольно, из сознания христианского долга. Потому святые отцы субъективное искупление человека связывают прежде всего с благодатным изменением воли (св. Николай Кавасила, архиеп. Солунский)⁷. Только после более или менее длительных напряжений любить деятельно сердце подвижника просыпается и оживляется чувствами любви. По мере дальнейших аскетических трудов эти чувства усиливаются постепенно до высокой мощи и горячности. Они сами становятся движущими к любви рычагами воли и интеллекта и побуждают их всецело участвовать в общей христианской симпатической деятельности. Выходит, что по оживлении любовью сердце приобретает го-

⁶ 1 Ин. 3, 18.

⁷ Ср.: Николай Кавасила, св. Слово 6 о жизни во Христе (Николай Кавасила, архиеп. Фессалоникский. Св. Николай Кавасила. Семь слов о жизни во Христе: пер. с греч. М., 1874. С. 121–139). Архим. Вениамин (Милов) придерживается распространенной в XIX в. версии о том, что Николай Кавасила был архиепископом Фессалоник, однако — согласно общепринятой в настоящее время точке зрения — он всю жизнь оставался мирянином. — *Примеч. ред.*

сподствующее значение среди прочих душевных сил или примат. *От сердца*, говорит древняя богодухновенная мудрость, *исходы жизни*⁸. Воле тогда остается на долю деятельное внешнее выражение чувств любви или центральная исполнительная роль. Участие интеллекта в данном акте подобно действию светового аппарата в рабочей компании нашего существа.

Установивши сравнительное взаимодействие человеческих душевных сил в настроении любви, углубимся далее в наблюдение связи отдельных психических отправлений любящего человека. Перед нами вскрывается поразительная картина. У любящего нравственные свойства и психические движения при самостоятельности видимых обнаружений и переживаний так или иначе, все без исключения, окрашены цветом настроения любви. Человеческая природа в себе проста, и ее координированные проявления неразрывно соединены в фокусе пламенного чувства любви. Любовь, как жизненная сила семени, как закваска в тесте, своей энергией проникает в душевные явления и собою сливает их в простое единство психики. Поэтому в любящей душе вера остается верой, надежда — надеждой, смирение — смирением, милосердие — милосердием, чистота — чистотой, и все разновидности добродетелей удерживают собственный облик. Но любовь все их сгармонировывает, соподчиняет себе и вводит, как резкие частные штрихи, в картину своего сложного совершенства. *Любовь*, — замечает апостол Павел, — *есть союз (совокупность) совершенства*⁹.

Станем ли, например, исследовать природу веры — и находим ее *действующую любовью*¹⁰. Перед взором наблюдателя надежда ожидает получения излюбленного, смирение самоопустошено для принятия и ношения благодати любви, милосердие размягчено жертвенным состраданием, чистота служит благодати Божией фоном для тонких благодатных впечатлений. Одним словом, аналитическое определение единства видов христианской добродетели в любви — бесспорный факт и выражение самого существа христианской морали. *Весь закон*, утверждает Апостол, — *в одном слове заключается: любви*¹¹.

⁸ Притч. 4, 23.⁹ Кол. 3, 1¹⁰ Гал. 5, 6.¹¹ Гал. 5, 14.

3. ЗНАЧЕНИЕ ИДЕИ ЛЮБВИ

От психологических наблюдений над переживаниями любви перейдем к уяснению ее значения в христианском спасении верою и христианском мученичестве. Исследование вопроса о спасающей вере рождает твердое убеждение, что вера зиждется на особом моменте покаяния человека. С наступлением его у кающегося робко просыпается любовь к Господу Спасителю и пронизывается надеждой, что Спаситель не отвергнет покаяния и простит обращающегося к Нему. Верой кающийся в Господе созерцает Спасителя, а любовью обвивается около Него, как младенец около матерней шеи. Ясное созерцание верою Искупителя и естественная теплота покаяния служат как бы удобной средой, в которую изливается спасительная сила Божия и в себе соединяет кающегося с Богом любви.

Точно так же мученичество в Церкви, кровавое ли или бескровное в виде борьбы со страстями, особенно показательно своим заключительным актом, когда в христианине начало любви и самоотвержения решительно торжествует над самолюбием путем явного соединения с укрепляющей благодатью. В подвиге противления самолюбию постепенное размыкание христиан-мучеников для одушевления истинною любовью похоже на сильное напряжение обвитого путами богатыря. Вот он со жгучей болью напряг все мышцы и чувствует, что не может их порвать. В сознании личного малосилия обратил он пламенную мольбу к Богу о помощи — и снова напрягается, как только может. И вдруг, внезапно приходит к нему тонкое дуновение жизни — сила Святого Духа. Она поднимает в нем непобедимую энергию — и путы страстей, как паутину, порывает.

Завершение нередко страшных мученических болей в страданиях ли за Христа, в борении ли со страстями — одно. Это — воспламенение природной способности самоотверженно любить огнем любви, исходящим от Бога. Описанный синтез природы и благодати святые мученики переживают в неизъяснимо сладостном, небесном чувстве и влечении любви. К той же цели сводится и бескровное христианское мученичество или вся аскеза жизни во Христе. Выказанное нами положение согласно иллюстрируют все жития святых и, в частности, жития страдальцев за исповедание имени Христова.

4. ЛЮБОВЬ В ОТДЕЛЬНЫХ
АСКЕТИЧЕСКИХ ПОДВИГАХ¹²

Подвижничество в Церкви состоит из ряда частных подвигов. Если весь христианский аскетизм имеет задачей достижение благодатной любви, то очевидно, и наиболее свойственные христианам воплощения аскетизма молитвой, делами милосердия и постом ценны в том же отношении. Они суть акты любви и условия ее бесконечного развития. У истинных христиан они всегда просветлены этим сознанием.

Молиться, по учению Святой Церкви, — то же, что выражать свою любовь к Богу или, по крайней мере, совершать действия любви. На молитве всегда имеет место теплое и горячее устремление к Богу всей души. Душа здесь предается Богу, а Бог принимает ее порыв и запечатлевает его благодатью. Истинно молящийся просыпается чувством и смягчается сердечностью. Имея благодатный ответ Бога на свою преданность Ему, он соединяется с Ним любовью.

Дела милосердия составляют следующий за молитвой своеобразный путь человеческого единения с Богом. Господь почивает вседержительно в природе всех людей, особенно лиц добросердечных. Он любит всех людей, сожалеет о них и желает им счастья и совершенного благополучия. И когда кто-нибудь благотворит бедным и сострадает нуждающимся, тогда движения любви Бога и благодетеля к несчастным встречаются и являют в себе чистейший акт любви. Потому-то факты бескорыстного благотворения «ради Христа» переживаются милостивцами в формах умиления, небесной радости, сердечной широты и глубочайшей светлости, то есть в признаках любвеобильнейшего настроения.

Что касается поста, то он подготавливает нашу природу к ношению благодати любви. Постящийся в духе Церкви воздерживается от движений самолюбия вроде жестокости, злобы, осуждения и других подобных. Все это решительно стесняет проявления личной страстности,

¹² Данный раздел дословно повторен в выводах магистерской диссертации архим. Вениамина (Милова), см.: *Вениамин (Миллов), архим. 1948. С. 474–475. — Примеч. ред.*

уточняет чувствительность к светлым благодатным впечатлениям и расширяет в человеке простор порывам самоотверженной любви.

Таково значение любви в христианской этике и подвижничестве, обнаруживаемом практически — молитвой, благотворением и постом.

5. ЛЮБОВЬ В СИСТЕМЕ
ХРИСТИАНСКОЙ ДОГМАТИКИ

Теперь нам остается проследить связь идеи любви с системой православно-христианских догматов. Важно выяснить собственно то, насколько жизненна христианская догматика при отношении принципа любви решительно к каждому догмату. Догматика, между прочим, вскрывает природу настроения любви в ее сокровеннейших тайнах.

Предварительно скажем, что мы живем так, как думаем. Думы, образ мыслей или теория определяют нашу практику. Следовательно, любящие христиански, чтобы быть *домами, основанными на камне*¹³, должны утверждать свое настроение на какой-то незыблемой догме. Так в действительности и есть. Весь православный Символ веры с основными догматическими истинами или своими членами основополагает характер и строй христианской любви. Он проповедует: а) о Боге — первообразе любви; б) о Церкви — школе любви; в) о Таинствах — средствах излияния на верующих силы любви; г) об отражении в телах воскресения или самоотверженной любви, или самолюбия; д) о жизни будущего века либо в радости любви, либо в муках без нее¹⁴. Правда, в самый Символ веры идея любви заложена сокровенно, *implicite*. Но ее наличие здесь подробно и широко открывают и освещают Библия, святые отцы и пастыри Церкви. По толкованию их, связь каждого догмата веры с идеей любви можно представить в следующих чертах. Перед нами первой встает центральная догматическая истина о Троицизме

¹³ Лк. 6, 48.

¹⁴ Именно в такой последовательности следуют части и главы магистерской работы архим. Вениамина (Милова), см.: *Вениамин (Миллов), архим. 1948. С. 476. — Примеч. ред.*

Божества. Святой апостол Иоанн Богослов внутреннюю жизнь Пресвятой Троицы определяет понятием «любовь». *Бог — любовь есть*¹⁵. Три Божественных Лица в Существе Божиим от вечности бесконечно любят Друг Друга. На бедном человеческом языке это бесконечное единение выразимо лишь словами «в Боге три Лица — Одно»: *Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе*¹⁶. *Я и Отец — одно*¹⁷. Так у земных матерей, остановивших все свое внимание на течении жизни любимых детей, предмет самосознания из «я» переходит в «мы». Или: «я» детей становится у любящих матерей их личным «я». Кто не знает евангельского вопля хананеянки ко Христу: *«Помилуй, меня, Господи, Сын Давидов: дочь моя жестоко беснуется»*¹⁸, — где мать страдания дочери чувствует своими. Сила материнской любви может побеждать даже инстинкт личного голода. Во время недостатка продуктов питания понаблюдайте, как иные матери, радуясь насыщению своих детей, забывают о своей нужде в пище. Но обратимся к высочайшему образцу любви для нас — отношению Трех Лиц Божества. Содержание нашей любви выясняется собственно аналогией, какую дают нам качества действий в мире Троицной любви Божества. В существе Божиим любовь Пресвятой Троицы непостижима и неподражаема. Ее уместно назвать формой внутреннейшего бытия Божия. Но свойства ее мировых, промыслительных и спасающих проявлений несколько уловимы человеческим разумом.

Кто не знает из любителей библейской идеологии о Боге-Отце, Ревнителе нашей чистоты, о смирении до Креста Сына Божия...

(без окончания)

¹⁵ * 1 Ин. 4, 8.

¹⁷ Ин. 10, 30.

¹⁶ Ин. 17, 21.

¹⁸ * Мф. 15, 22. 4.